

Vol. 7, No. 2/2017

To the History of A. Pushkin Works' Reception by Russian Symbolists

Natalya Lebedenko¹

Abstract: The article presents the paradigm of aesthetic reception of Pushkin's works by Russian symbolists. The classic's heritage is perceived in the context of the most important aesthetic, historical and literary problems: the appointment and content of art, the originality of the process of artistic creativity, the correlation of ethical and aesthetic ideals, the synthesis and opposition of the artistic and scientific forms of cognition of the world.

Keywords: symbolism; art; ideal; synthesis

История символистской пушкинистики начинается с работ Д. С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893) и «Пушкин» (1896), в которых вполне оформилась концепция творчества поэта. Пушкин в них назван не только родоначальником новой русской литературы, но определен и как один из самых выдающихся представителей мировой литературы.

Д. С. Мережковский предлагает исследовать творчество Пушкина в контексте важнейших эстетических и историко-литературных проблем: о назначении и содержании искусства, своеобразии процесса художественного творчества, соотношении этического и эстетического идеалов, синтезе и противостоянии художественной и научной форм познания мира (в интерпретации Д. С. Мережковского это проблема интуиции и разума, Пушкина-поэта – Пушкина – мыслителя и т.д.). Самой главной эстетической категорией пушкинского творчества Д. Мережковский называет гармонию, являющуюся для всех народов «самым редким плодом тысячелетних стремлений» и выделяющую русского поэта среди величайших гениев мировой литературы (Merezskovsky, 1994, p. 517).

¹ Professor, PhD, Izmail State University of Humanities, Ukraine, Address: Repina St, 12, Izmail, Odessa Region, Ukraine, 68601, Tel.: +38 (04841)51388, Corresponding author: lebedenkop@mail.ru.

Справедливо определяя ведущую роль Пушкина в дальнейшем процессе развития русской литературы, теоретик символизма видит в уклонении от намеченного Пушкиным пути «причины упадка» современной ему отечественной литературы. Д. С. Мережковский говорит и о засильи сухоакадемического подхода к пушкинскому наследию, официальном обозначении Пушкина первым поэтом России, утилитарно-идеологическом подходе к творчеству поэта либерально-демократической критики, отношении к Пушкину представителей «чистого искусства» и некоторых других (В. Соловьева, в частности) как к поэту «по преимуществу». Это, по мнению критика, приводило всегда к элементарной недооценке многогранного пушкинского наследия.

Наконец, именно символистов Д. Мережковский объявляет подлинными продолжателями и наследниками Пушкина в русской литературе, утверждая Пушкина их объединяющим началом, поскольку именно отношением к гениальному русскому поэту в России всегда определялась литературная позиция любого писателя.

Реакция оппонентов символизма была однозначно негативной. Так В. Д. Спасович в статье «Д. С. Мережковский и его «Вечные спутники»» (1897) упрекает Д. С. Мережковского в том, что он «сочиняет своего Пушкина по своему вкусу, по своему подобию и выдвигает те подмеченные им признаки, которые наиболее соответствуют его собственной психической организации» (Spassovich, 1897, p. 597).

Концепция пушкинского творчества, предложенная Мережковским, вызвала нарекания как со стороны представителей прогрессивной критики (Ю. Айхенвальд, В. Спасович), так и со стороны самых ярых консерваторов (М. Меньшиков). Такое единодушие в оценке поднятого символистской критикой вопроса истолкования пушкинского творчества свидетельствует о многом, в первую очередь, о том, что Д. Мережковский не только обозначил важнейшие проблемы пушкинистики, но и предложил совершенно неожиданный, нетрадиционный подход к их осмыслению.

Следующее, уже «массированное» выступление символистов связано с празднованием столетия со дня рождения Пушкина в 1899 году. Журнал «Мир искусства» посвятил этому событию весь майский номер (№ 13–14), предоставив его страницы Д. Мережковскому, Н. Минскому, Ф. Сологубу, В. Розанову.

Оценка этого выступления символистов была также традиционно негативной: представитель крайне правого крыла русской критики М. Меньшиков упрекал Д. Мережковского в недобросовестности, поскольку его интерпретация творчества Пушкина содержит суждения, позволяющие обвинять поэта во враждебности к народу.

В. Соловьев в заметке «Особое чествование Пушкина. Письмо в редакцию «Вестника Европы» (1899) предлагает язвительную характеристику символистских статей, помещенных в журнале «Мир искусства», задавая вопрос: «Каким образом отвержение «ненужного» Пушкина сошлось в «Мире искусства» с его идолопоклонническим представлением?» (Solovyov, 1996, p. 220). Он обвинил В. Розанова в категоричном неприятии Пушкина, Д. Мережковского – «в неясности и нечленораздельности его размышлений», Н. Минского – в приписывании Пушкину его, Минского, вкусов и мнений, а о Ф. Сологубе высказался походя, как о «четвертом мушкетере этой символической четверки».

Можно с полным правом говорить, что В. Соловьев заложил основы одного из наиболее распространенных в научной литературе подходов к проблеме «Пушкин и русский символизм», который сводится к следующему: символисты, не имея реальной опоры в отечественной литературе, как к спасительному кругу обратились к авторитету Пушкина и, тенденциозно его интерпретируя, объявили великого русского поэта своим предшественником. Это первая, самая ранняя точка зрения на проблему «Пушкин и русский символизм».

Выступление в юбилейном номере «Мира искусства» наметило два подхода символистов в оценке личности и творчества Пушкина: апологетический и негативный, они попеременно превалировали в символистской критике на всем протяжении развития этого литературного направления.

Представители первой тенденции, сформулированной наиболее полно в работах Д. Мережковского, осмысливали творчество Пушкина в контексте символистской эстетики, а самого поэта объявляли предтечей русского символизма, причину упадка русской литературы видели в уклонении от заветов пушкинского творчества, а условием выхода из кризиса считали возвращение на пути, указанные Пушкиным. Д. С. Мережковский усматривал пушкинскую гармонию в синтезе язычества и христианства, духа

и плоти, Христа и Антихриста. Достижение этой гармонии и мыслилось им как цель и искомый идеал подлинно высокого искусства.

Помимо Д. Мережковского эту тенденцию в символизме представляли Ф. Сологуб, Н. Минский, – в 1890-е годы, а в 1900-е и 1910-е постепенно переходили на эти позиции и В. Брюсов, и К. Бальмонт. «Младосимволисты», в первую очередь – А. Блок и Вяч. Иванов, несколько позднее – Андрей Белый, – были последовательными сторонниками концепции Д. Мережковского, в то же время внося свои коррективы и уточнения.

Вторая тенденция – негативной оценки Пушкина – нашла отражение в выступлениях В. Розанова 1890-х – 1900-х годов. В юбилейном номере «Мира искусства» (Rosanov, 1889, p. 1-10). В. Розанов говорит о Пушкине как о поэте, творчество которого устарело и годно «лишь в качестве школьного научения, а не живого руководителя толпы». Именно эта розановская статья и вызвала самые горячие и, пожалуй, наиболее справедливые упреки со стороны В. Соловьева и других. Ведь В. Розанов говорит о заслугах Пушкина перед литературой последующих поколений, имея в виду только формальные его достижения, и отказывает Пушкину в ценности для будущего его нравственных идеалов: «...мир стал лучше после Пушкина, так многому в этом мире, то есть в сфере его мысли и чувства, он придал чекан последнего совершенства. Но после Пушкина мир не стал богаче, обильнее» (Rosanov, 1989, p. 245). По мнению В. Розанова, современный читатель глубже чувствует и шире мыслит, Пушкину не дано «отозваться» на важнейшие проблемы современной критики жизни, он слеп «как старец Гомер» (Rosanov, 1989, p. 246). Отказывая Пушкину в способности глубокого интуитивного мировосприятия, В. Розанов обвиняет его в рационализме: «...Пушкин больше ум, чем поэтический гений» (Rosanov, 1989, p. 244).

Розановская концепция нашла своих сторонников в лице К. Бальмонта и раннего В. Брюсова. К. Бальмонт развивает розановские положения о несоответствии пушкинского мировосприятия запросам современного человека, пушкинскую художественную манеру называет «художественным натурализмом», обвиняя поэта в чрезмерной приверженности к миру материальному, в воссоздании только «внешних черт» окружающего мира.

К. Бальмонт идет в своих оценках даже дальше В. Розанова, объявляя Пушкина простым наблюдателем, не способным к отражению сложности и многогранности мира. В статье «О русских поэтах» (1904) Бальмонт

сопоставляет поэзию Пушкина и Лермонтова с поэзией Тютчева и Фета, отдавая пальму первенства новейшим поэтам, которых причисляет к символистскому направлению. Так, «трезвым взглядом» смотрят на мир Пушкин и Лермонтов, в то время как Тютчев и Фет «проникают в самую сущность природы».

Мысль об отсталости художественной формы и поэтического языка произведений Пушкина, а главное, о типологическом отличии поэзии Пушкина от поэзии Тютчева, Фета и символистов, развивает В. Брюсов на раннем этапе своего творчества. В дневниковой записи 1893 года он констатирует невозможность «на языке Пушкина» выразить ощущения человека эпохи конца столетия (Bryusov, 1927, p. 13). В «Ответе г. Андреевскому», помещенном в т. 5 «Мира искусства» (1901) он развивает эту мысль: «...неужели, например, четырехстопный ямб в поэмах Пушкина не утомляет однообразием...» (Bryusov, 1927, p. 246) и здесь же: «Разве не жаловался тот же Пушкин, что рифм в русском языке слишком мало...?»

В статье «Священная жертва» и (1905), не принимая пушкинское разделение на частную жизнь поэта и творчество, Брюсов так интерпретирует стихотворение Пушкина «Поэт»: «...поэт должен благоговейно приносить свою «священную жертву», а в другие часы он может быть «всех ничтожней» (Bryusov, 1975, p. 94). И далее резюмирует: «У Пушкина, который так часто чутким слухом предугадывал будущую дрожь нашей современной души, – мало произведений, которые до такой степени были бы чужды, странны нам, как эти стихи о поэте» (Bryusov, 1975, p. 95).

Развивая мысль, Брюсов утверждает, что формула пушкинской свободы искусства ведет прямой дорогой к «чистому искусству»: ««Парнасцы» – это именно те, кто смело провозгласили крайние выводы пушкинского поэта, соглашавшегося быть «всех ничтожней», пока его «не требует» глагол Аполлона...» (Bryusov, 1975, p. 95). Правда, в конце Брюсов говорит, что эти его выводы привели бы в ужас Пушкина. Но полемичность по отношению к самой пушкинской позиции в этой статье налицо. На основании приведенных суждений и других ранних литературно-критических выступлений Брюсова («Мировоззрения Баратынского» (1898), «Владимир Соловьёв. Смысл его поэзии» (1900), «Оклеветанный стих» (1903) прослеживается его крайний субъективизм в оценке творчества Пушкина.

И тенденция эта наиболее четко выражена в статье «Владимир Соловьёв. Смысл его поэзии» (1900). В ней В. Брюсов предлагает свой взгляд на поэзию: «Есть два рода поэзии. Одна довольствуется изображением того, что можно постигнуть умом, выражением чувств, доступных ясному сознанию» (Bryusov, 1975, p. 218) – это «классический» род поэзии». К нему критик относит творчество А. Пушкина, А. Майкова, А. Толстого. «Поэзия другого рода беспрестанно порывается от зримого и внешнего к сверхчувственному...» (Bryusov, 1975, p. 219) – эта поэзия, романтическая, «освящена» для Брюсова именами Тютчева и Фета. Даже по характеру отношения автора статьи к представителям классической и романтической поэзии можно сразу определить, что все симпатии Брюсова на стороне романтиков. Эта концепция легла в основу созданной в 1920-х годах В. Жирмунским и Б. Эйхенбаумом теории, в результате чего Пушкин и символисты были отнесены к двум противоположным типам художественного творчества.

В заметках Брюсова, помещенных в «Miscellanea» (1913 – 1924), встречается неявное противопоставление Пушкина – Тютчеву в разделе IV.I. (Пушкин в «Борисе Годунове» не оригинален, повторяет Шекспира, Тютчев относится к поэтам, которые «пытаются проложить новый путь») (Bryusov, 1975, p. 390). А фраза из раздела VI.I: «Выбери себе героя - догони его, обгони его» (Bryusov, 1975, p. 399), – принадлежащая Суворову и взятая Брюсовым в качестве девиза своей творческой деятельности, экстраполируется на Пушкина в качестве такого героя, весьма достойного, но которого надо «догнать и обогнать». Однако, замечательно другое: параллельно с этим Брюсов постоянно апеллирует к Пушкину как к высочайшему авторитету, а большую часть своих исследований посвящает именно Пушкину.

Работал Брюсов над проблемой «Пушкин и русская литература» на протяжении четверти века. Определенно прослеживаются три направления исследований Брюсова: текстология пушкинских произведений, стихотворная техника Пушкина и его биография. В первой работе Брюсова о Пушкине ставится вопрос о принципах публикации произведений поэта. Посвященная изданию полного собрания сочинений Пушкина, редактировавшемуся Л. Н. Майковым, рецензия Брюсова «Что дает академическое издание сочинений Пушкина» (1899) вносит разлад в научные круги постановкой вопроса: публиковать ли лицейские стихи Пушкина в

первоначальном виде или учитывать поправки, внесенные поэтом позднее. Дискуссия, развернувшаяся по воле молодого исследователя, длилась несколько лет, вызвав отклики ведущих пушкинистов того времени (С. А. Венгерова, П. О. Морозова и др.).

Несколько позднее Брюсов стремится снять хрестоматийный глянец и представить читателям подлинно живого Пушкина. В статьях биографического характера «Пушкин и Баратынский» (1901), «Из жизни Пушкина» (1903) он так определяет свой принцип отбора материалов о жизни поэта: «Приходится чутьем, вдохновением выбирать из рассказов и показаний современников, что в них верно до глубины, и что только внешне верно – у г а д ы в а т ь Пушкина» (Bryusov, 1903, p. 84).

Если для раннего Брюсова было характерно полемическое отношение к Пушкину, то с годами, в результате интенсивной текстологической и библиографической работы, новых анализов пушкинских текстов, он приходит к подлинному постижению глубин пушкинской поэзии. В статьях «Стихотворная техника Пушкина», «Звукопись Пушкина», «Левизна Пушкина в рифмах», «Пророк. Анализ стихотворения». Брюсов исследует «тайну» стихотворного ремесла гениального поэта и убеждается в том, что пушкинская поэтика предвосхищала будущие изменения в русском стихе.

Существующая в настоящее время достаточно объемная литература, посвященная проблеме «Брюсов и Пушкин», позволяет выявить подлинную ценность изысканий этого теоретика символизма. Однако, и это тоже не менее важно, его работы о Пушкине раскрывают нам именно «брюсовского Пушкина», помогая определить точку зрения на проблему «поэт и поэзия».

Старшее поколение символистов заложило основы осмысления пушкинского творчества. Поэтому у младосимволистов, – Андрея Белого, Вяч. Иванова, А. Блока, – опиравшихся на опыт предшественников, была возможность более глубоко и убедительно решать те же вопросы: о всемирном значении Пушкина, соотношении пушкинской традиции с опытом поэзии символизма, «тайне» пушкинского творчества. Остановимся на отдельных концептуальных аспектах их исследований.

Одной из своих важнейших задач, по праву «пушкинскую» задачу, видели младосимволисты в углублении и развитии пушкинского наследия, в необходимости вернуть поэзии утраченный ею после Пушкина

художественный авторитет. Эта мысль обосновывается в статье Андрея Белого «Апокалипсис в русской поэзии» (1905).

Определяя тип художественного мышления Пушкина как «классический», «аполлонический», младосимволисты в то же время в этой аполлонической ясности усматривали такие глубины, познание которых вызывало у них чувство страха: «Что значат эти простые и скупые слова и очень обычные, почти неестественно здоровые и румяные эпитеты? И подчас как-то жутко становится от Пушкинской ясности», – отмечает Вяч. Иванов (Ivanov, 1908, p. 232).

Объяснение этому «запредельному» пушкинскому совершенству Вяч. Иванов находит в том, что «сладкие звуки» – язык поэзии, – являются «языком богов», а «Пушкинский Поэт помнит свое назначение – быть религиозным устройтеlem, истолкователем и укрепителем божественной связи сущего, теургом» (Ivanov, 1994, p. 184).

Однозначно определяя всеобъемлющий характер творчества Пушкина, как творчество гения, неизменными компонентами которого оказываются «раздробленные, но слепительные лучи внутреннего опыта», Вяч. Иванов тем не менее не считает этот опыт собственно символистским, не называет Пушкина в ряду символистов «в теснейшем значении этого слова». Такая позиция одного из ведущих теоретиков «младосимволизма» свидетельствует о преодолении субъективности в оценке личности и творчества поэта, об эволюции в символистском осмыслении Пушкина.

Отношение к Пушкину А. Блока определялось двумя факторами: его принадлежностью к семье, хранящей высокие традиции русского просвещенного дворянства, и его великой художественной одаренностью, которая даже в среде символистов, отличающейся обилием и многообразием талантов, сохраняла за ним славу «поэта от бога». Несмотря на то, что сам Блок говорил о «загадке Пушкина» (статья «Педант о поэте», 1906), его понимание пушкинского творчества представляется идеальной нормой оценки одного гениального поэта другим. Блок удивительно глубоко и тонко, с только ему присущей чуткостью, интерпретирует важнейшие положения пушкинской эстетики в своей критической прозе. Говорит ли он о творчестве современных ему поэтов и писателей, о проблемах развития современной литературы, либо обращается к прошлому отечественной или мировой

литературы, – всегда в его рассуждениях Пушкин оказывается высшей точкой отсчета и высшей мерой художественности.

Подводя итоги, необходимо отметить, что, несмотря на многообразие оценок Пушкина, заслугой русских символистов по праву можно считать не только стремление определить его место в ряду величайших представителей мировой литературы, но, прежде всего, их попытку постичь «тайну гения», что, по их мнению, являлось залогом дальнейшего развития мировой литературы, самой истории, всего человечества.

References

- Merezskovsky, D. (1994). *Aesthetics and criticism/Эстетика и критика. В 2-х т.* Москва-Харьков, Т.1.
- Spasovich, V. D. (1897). Dmitry Merezskovsky and his “Eternal Companions”. *Вестник Европы/Bulletin of Europe*, № 6.
- Solovyov, V. (1996). *Aesthetics and literary criticism/ Эстетика и литературная критика.* Москва.
- Rosanov, V. (1889). Notes about Pushkin/Заметка о Пушкине. *Мир искусства/The world of art*, Т.2. № 13-14.
- Rosanov, V. (1989). *Thoughts on literature/Мысли о литературе.* Москва.
- Bryusov, V. (1927). *Брюсов В. Diaries/Дневники.* Москва.
- Bryusov, V. (1975). *Collected Works/Собр. Соч.: В 7-ми т. Т. 6.* Москва.
- Bryusov, V. (1903). From the life of Pushkin/Из жизни Пушкина. *Новый путь/New way*, Т.VI.
- Ivanov, V. (1908). *Gypsies/Пушкин под ред.* Венгерова С.А. Т.2, СПб.
- Ivanov, V. (1994). *Native and universal/Родное и вселенское.* Москва.